

Возвращение к диалогу: Киргизия и Россия

Л. М. Мосолова ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Мосолова, Л. М. (2019) Возвращение к диалогу: Киргизия и Россия. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 1, № 1, с. 21–27. DOI: 10.33910/2687-1262-2019-1-1-21-27

Получена 24 апреля 2019; прошла рецензирование 22 июня 2019; принята 24 июня 2019.

Права: © Автор (2019). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Статья посвящена динамике киргизского изобразительного искусства в контексте культуры XX — начала XXI вв. На наших глазах совершился интеграционный прорыв: создан и укрепляется Евразийский союз, формируется новая масштабная геополитическая целостность. В настоящее время Кыргызская Республика стала полноправным членом Евразийского союза и начала налаживать новые экономические связи. Однако прочный союз не может существовать без общих мировоззренческих идей и идеалов, без многих общих ценностей, накопленных народами за последний век в сферах науки, образования, социального устройства, безопасности, общей исторической памяти. Для всех высокой ценностью обладает, прежде всего, такая ценность, как дружба народов, порождающая совместное созидательное творчество во всех сферах культурного пространства Евразии.

В статье вкратце анализируется развитие советского искусства Киргизии в парадигме революционных 1920-х–1930-х гг., в испытаниях военного и послевоенного времени, а также в эпоху высоких цивилизационных достижений 1960-х–1970-х гг., в ходе последующего социокультурного кризиса и, наконец, в период трансформации культуры суверенной Киргизии. Ставится вопрос о современном развитии искусства на основе диалогики культуры России и стран Евразийского союза. Подчеркивается необходимость культурологического осмысления самого феномена Евразии и составляющих его систему взаимосвязанных локусов в контексте современной науки. Ничем не заменимым институтом, интегрирующим евразийское пространство, может стать и искусство — универсальная площадка диалога культур. В этом свете необходимо возвращение к проверенным форматам диалога художников между Россией и Киргизией и создание новых конкретных способов взаимодействия в пространстве изобразительного творчества.

Ключевые слова: культура, цивилизация, диалог, изобразительные искусства, Киргизия, Россия, художественное просвещение, культурное наследие.

The return to dialogue: Kyrgyzstan and Russia

L. M. Mosolova ¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika River Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Abstract. The article analyses the dynamics of Kyrgyz art in the context of the 20th and 21st century culture. We are witness to an integrative breakthrough currently taking place: due to the creation and growth of the Eurasian Union, a new large-scale geopolitical integrity is being formed. The Kyrgyz Republic has become a full member of the Eurasian Union and has begun to establish new economic ties. However, a lasting alliance cannot exist without common ideological paradigms and goals, without the many common values accumulated

For citation: Mosolova, L. M. (2019) The return to dialogue: Kyrgyzstan and Russia. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 1, no. 1, pp. 21–27. DOI: 10.33910/2687-1262-2019-1-1-21-27

Received 24 April 2019; reviewed 22 June 2019; accepted 24 June 2019.

Copyright: © The Author (2019). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

over the last century in the spheres of science, education, social structure, security, and common historical memory. Above all is the value of friendship and cooperation between nations that generates joint creative activity in all spheres of Eurasian cultural space.

The article briefly recounts the development stages of the Soviet art of Kirghizia, influenced by the paradigm of the revolutionary 1920s and 1930s, tested by the hardship of war and post-war times, promoted during the era of high civilisational achievements of the 1960s and 1970s, affected during the subsequent sociocultural crisis, and, finally, revitalized in the period of cultural transformation in sovereign Kyrgyzstan. The author raises the issue of the modern development of art based on the cultural dialogue between Russia and the countries of the Eurasian Union with the emphasis on the need for cultural understanding of the Eurasian phenomenon and its systematic components of interconnected loci in the context of modern science. Art can also become an indispensable institution integrating the Eurasian space, a universal platform for a dialogue between cultures. From this point of view, it is necessary to return to the established formats of dialogue between Russian and Kyrgyz artists and also to create specific new ways of interaction in the field of visual arts.

Keywords: culture, civilisation, dialogue, visual arts, Kyrgyzstan, Russia, artistic education, cultural heritage.

Перманентные и глубокие размышления современников о развитии культур в глобализирующемся мире привели к утверждению о том, что именно взаимопонимание и диалог культур способствуют прогрессу человечества.

«Диалог культур, — как отмечает выдающийся российский философ А. А. Гусейнов, — представляет собой такую форму их взаимодействия, которая не ставит под сомнение различия между ними, не снимает их, не разводит по ценностному критерию, а, напротив, санкционирует, признает в качестве блага, нормы совместной жизни в современном мире. Сам смысл диалога состоит в том, чтобы располагать культуры в плоскости сотворчества, а не конфронтации» (Гусейнов 2014, 66).

Развитие национальных и региональных культур большой советской страны с самого начала базировалось на идеях равенства, эмпатии, общения, взаимопонимания, сотрудничества, взаимопомощи народов, то есть на принципах диалогичности. В значительной мере именно этим было обусловлено беспрецедентно ускоренное приобщение множества этносов к универсалиям мировой культуры, к радикальному обновлению жизнотворчества и развитию самобытности их культур. Непредвзятое переосмысление созданного в советское время многими народами культурного наследия впечатляет. Советский опыт строительства во всех сферах культуры общества, в том числе художественной, значим, ценен, поучителен и вновь требует исследовательского усилия.

Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что российская культурология активно занимается теоретическими проблемами диалога и мало озабочена конкретной аналитикой развития российских (и евразийских) культур и проблемой их диалогичности. Между тем диалогический праксис жизненно важен и необходим для благополучия России, ее демократического развития и сотрудничества с «ближним зарубежьем» в сложных и чреватых конфликтами условиях современного мира. Следует подчеркнуть, что неумелая «революция сверху» 90-х гг., повлекла за собой не только разрушение экономики, науки, промышленности, но также сбой и приостановку диалогических процессов в художественной культуре российских народов и республик Евразии, а новые еще не сложились. Такое положение дел «императивно вменяет культурологии» (выражение Х. Г. Тхагапсоева) усиленный поиск философско-гуманистических ориентиров и конкретных путей выстраивания диалогического взаимодействия культур на постсоветском пространстве.

Следует отметить, что начиная с 90-х гг. XX в. и в первом пятнадцатилетии XXI в. многие представители либерального политико-идеологического движения осуществляли беспримерное очернение советской истории. На переднем плане оказалось разоблачение и обличение «советского проекта» и форм его воплощения в жизнь, причем с использованием ярких художественных образов. Такое отношение к советской истории культуры было нацелено

не столько на его изучение, сколько на вынесение приговора. Однако сегодня, имея дистанцию более чем в четверть века от того времени и пережив многие социокультурные драмы, мы можем более взвешенно и объективно, «не плача и не смеясь», по достоинству оценить художественное наследие народов Евразии, в том числе — киргизское. Искусство минувших дней нуждается не в подчеркивании изъянов, не в однозначных оценках и приговорах, а в глубоком внимании, понимании и научном объяснении.

В свете сказанного кратко рассмотрим особенности динамики изобразительного искусства в Киргизии XX — начала XXI вв., акцентируя внимание не на «негативах», а на результатах творения новой профессиональной художественной культуры в республике.

С самого начала киргизские художники вдохновлялись идеями мобилизации своих современников на невиданное социальное созидание средствами образного языка искусства. Свое творчество, каждый объект, каждое произведение они рассматривали как часть строящегося социалистического общества, как соподчинение культурному целому. Другими словами, почти все советское искусство мыслилось самими творцами не как автономная и самодостаточная область духа, а как социальная практика, как социальное творчество в самом широком смысле, как вклад в строительство нового мира, основанного на началах социальной справедливости для всех и для каждого. Но дело не только в этом.

В первые два революционных десятилетия в Киргизии в процессе изобразительной деятельности счастливо встретились два потока: творчество русских мастеров, укорененных в местной национальной среде, а также приехавших сюда из художественных центров страны, и творчество местных художников, часто начинавших как самоучки с произведений, отмеченных искренностью и наивностью чувств. Русские художники работали самоотверженно, помогая на каждом шагу в становлении изобразительного искусства, о чем свидетельствуют многие книги о первых киргизских художниках и их воспоминания (Уметалиева 2010).

Конечно, в развитии киргизского искусства огромную роль сыграли такие факторы, как реалистическая школа в художественном образовании, билингвизм, наличие широкого общего культурного пространства, идеология социализма, идея братства народов, общее информационное поле, интеграционные процессы

и ряд других факторов, определивших паразитическую динамику художественного творчества в бывшей сугубо номадической среде. Вместе с тем нельзя не учитывать значение диалогически устроенной организационной работы: многонациональность взаимодействия, интенсивность общения, сближение, взаимопомощь, взаимопонимание, многообразие общих выставок, общесоюзные декады и их обсуждение и многое другое.

Вследствие этого к концу 1930-х гг. в Киргизии сложилась полноценная институциональная и морфологическая структура изобразительного искусства, и небольшой интернациональный коллектив незаурядных художников достиг серьезных успехов, которые были признаны в стране благодаря репрезентативной декаде киргизского искусства в Москве в 1939 г. Художники первого поколения предъявили высокие профессиональные требования к своему творчеству, полагая, что поэзия заключена в жизни людей и природы и поэтому стремились работать на натуре. Причем обращение к натуре — не простое любование. Художник прежде всего философ, работая на натуре, а не в мастерской, находит оригинальный замысел, который конкретизируется целенаправленным поиском пластического выражения, обогащающего идею. Русские художники, прежде всего С. А. Чуйков, нашли своеобразную живописную трактовку Киргизии, особого удивительного мира, который достоин того, чтобы быть увековеченным в самобытном искусстве. Этому следовали многие киргизские пейзажисты, оставившие впоследствии значительное и ценное художественное наследие того времени.

Глубочайшая драма, пережитая человечеством за истекший XX в., — нашествие фашизма и борьба против него, — в полной мере коснулась и Киргизии. Она была одной из надежных опор в военно-хозяйственной системе СССР (эвакуация промышленности, сельскохозяйственная и энергетическая база, эвакуация населения из фронтовых территорий, многообразная помощь фронту в тылу и т. д.). Многие киргизские семьи приняли эвакуированных людей как своих родных, вместе работали ради Победы. Ряд художников ушли на фронт, часть осталась в республике, активно работая вместе с приехавшими сюда московскими и ленинградскими мастерами в области антифашистской пропаганды, патриотического воспитания, создания крупных художественных произведений. К примеру, первый и единственный памятник, сооруженный в военное время в честь героя войны — генерала И. В. Панфилова, был создан

в столице Киргизии — Фрунзе в результате содружества киргизских и московских художников (Мосолова 1975, 13–14).

В послевоенное время, особенно в 1960-е и 1970-е гг., диалогическое взаимодействие русских и киргизских мастеров и художников других национальных республик возросло многократно. Успешно развивался диалог между Киргизией и центральными вузами Москвы, Ленинграда, Львова, Таллина, Ташкента, Свердловска в области высшего художественного образования. Внеконкурсная профессионализация одаренной киргизской молодежи обеспечила мощную кадровую базу для последующего развития изобразительного искусства. Будущие киргизские художники учились в многонациональной среде лучших вузов всей страны, осваивали мировое культурное наследие и созревали в контексте жарких дискуссий о современном искусстве. Они прошли многообразные школы мастерства, и потому спектр художественных ориентаций молодых специалистов был широким и интересным, взаимообогащающим участников профессионального общения.

Трудно переоценить возможности творческого общения, совместной работы и коллективного обсуждения ее результатов во всесоюзных домах творчества, творческих базах, куда систематически направлялись все киргизские художники. Они постоянно «варились» и развивались в интернациональных сообществах, позитивно влияя друг на друга, оттачивая мастерство и расширяя кругозор. Кроме того, группы художников выезжали в командировки по разным регионам советского пространства и зарубежных государств, участвуя в таких форматах взаимодействия, как творческие симпозиумы, конкурсы, обсуждения выставок, знакомство с лучшими музеями мира. Особо подчеркну, что большинство форматов взаимодействия осуществлялось за государственный счет.

60–70-е гг. XX в. были ознаменованы приходом в киргизское искусство художников-интеллектуалов, новаторов, хорошо образованных людей, понимающих социокультурную природу искусства, особенности соотношения в нем этнического, национального и общечеловеческого, сложную профессионально-художественную проблематику, особенности мастерства. Существенно, что в эти годы также имела место продуктивная диалогика уже трех поколений мастеров, что обусловило богатство и разнообразие широкого диапазона художественных достижений. Счастливым для того времени было единение этнически разных художников, их

творческая синергия в общем деле, развитие национально разнообразных индивидуальностей при наличии общих духовно-нравственных ценностей, философии общего дела, приверженности реалистическому методу в его разных конкретных модификациях.

В условиях советской культурной политики этот метод получил название «метод социалистического реализма». Как показало время, это была очень сильная и перспективная программа художественного творчества.

Во-первых, она предполагала высокую меру личной ответственности за правдивость художественного образа, кривить душой было нельзя (иначе такие произведения невозможно назвать искусством). Во-вторых, при всей значимости индивидуального восприятия жизни и конкретности происходящего, нужно было «за деревьями видеть лес», то есть видеть в культуре главные общие движения живой жизни киргизского сообщества, ведущие социально-психологические черты своих современников. В-третьих, общее движение жизни народов всегда имеет национальные особенности проявления; это тоже надо было увидеть, почувствовать, понять и передать в образах, близких и понятных народу.

В-четвертых, люди тогда ощущали необычность своего времени, они воспринимали себя сознательно или интуитивно строителями нового, отличного от прошлого, мира и это внушало им чувство гордости за свой народный подвиг, поэтому в произведениях социалистического реализма есть элементы пафоса, есть достоинство нации.

В-пятых, реалистические произведения искусства предполагали отображение реальной жизни в свете идеала. Идеал — это самые высокие устремления общества, ума и сердца человека. Если у людей нет идеалов, то они, по саркастическому замечанию одного европейского философа, могут со временем опять встать на четвереньки и побежать в лес, превратиться в животных. В искусстве социалистического реализма явно или неявно присутствовал идеал или мечта о лучшей и справедливой жизни своего народа и уверенность в том, что ее можно осуществить.

В-шестых, об искусстве социалистического реализма нельзя было и говорить, если автор произведения не обладал профессионализмом в академическом понимании этого слова. Здесь речь пойдет о твердом владении навыками рисунка, системой живописи или пластики, композиционными умениями, а также об обязательности натурной работы и изучении жизни

в широком социальном, психологическом и культурном значении.

В-седьмых, в настоящем произведении реалистического искусства присутствует авторская индивидуальная интерпретация жизни, волнение души и трепет сердца художника, проявляется труд его ума и личная, пронизанная чувством, оценка всего происходящего, того, что он выбрал предметом своего искусства.

В этой программе содержались как универсальные требования к искусству, так и особенные, порожденные культурой конкретной эпохи. Если такая программа лежала в основе творчества талантливого художника, преданного своему делу, то тогда рождались подлинные произведения социалистического реализма. Это были произведения целостного идейно-художественного движения, «большого стиля» искусства советской эпохи.

Есть основание согласиться с теми авторами, кто считает искусство социалистического реализма, развивающегося не только в советском государстве, но и в зарубежных странах, последним «большим стилем» в мировой художественной культуре XX в. (Полевой 1989). Если непредвзято посмотреть на значительный ряд произведений киргизского изобразительного искусства, например, на такие, как «Дочь советской Киргизии», «Киргизская колхозная сюита», «Гималаи», «Дочь чабана», «Прикосновение к вечности» С. А. Чуйкова; целые серии пейзажей Г. Айтиева и С. Акылбекова; «Делегатки Тань-Шаня», «Мать», «Девочка с удодом», «Счастье» Л. А. Ильиной, тематическая картина Д. Кожахметова «Впервые», графика Б. Джумабаева, архитектурно-художественные монументальные ансамбли «Борцам революции», «Манас», «Победа» и галерея скульптурных портретов самых разных интеллектуалов, поэтов, ученых, писателей, художников и простых тружеников Киргизии (своего рода визуальная антропология), то с уверенностью можно сказать, что это действительно искусство «большого стиля».

Наивно было бы видеть в киргизском искусстве только прямое линейное движение самого лучшего. В действительности в нем существовали разные по идейно-смысловым и формальным художественным качествам работы, в том числе и поверхностные, конъюнктурные, слабые, ремесленные, псевдосоциальные и т. п. Сито времени их отсеяло. Настоящие же художественные произведения стали явлением «большого стиля» в истории культуры советской Киргизии и приравнены к классике мирового реалистического искусства XX в.

В 1980-е гг. киргизское изобразительное искусство развивалось в контексте «перестройки», ломавшей социокультурные устои советской эпохи, в том числе мощную базу диалогического взаимодействия художников. Постепенно перестала действовать институциональная структура изобразительного искусства, обеспечивающая это взаимодействие. Сложная духовная атмосфера времени и неясность путей развития общества и культуры сказывались на характере художественных процессов. Несмотря на это, многие киргизские художники находили в себе силы вдумчиво осмысливать происходящее и определять линию творческого пути. Появилась тенденция работать в разных стилях, и не только на основе реалистического художественного метода. В изобразительном искусстве сформировался широкий полистилизм. Он стал характерным не только для художественной культуры в целом, но и для работ отдельных киргизских мастеров.

Образование суверенного Кыргызстана подняло волну национального сознания, вспыхнул интерес к познанию своих корневых истоков, к значительным событиям и именам в своей истории. Появилось немало творческих работ разного стиля, выполненных в соответствии с велением времени, в духе национального романтизма. Значительно разросшаяся общность художников далее трудилась в условиях рынка, коммерциализации искусства, активного утверждения популярной культуры и широкого, часто поверхностного, освоения многих компонентов постмодернистского творчества (перфоманс, инсталляция, хеппинг, contemporary art и др.). В ходе этого освоения неоавангардных форм искусства шел действительный процесс личностной и общекультурной рефлексии. Один из ведущих киргизских культурологов отмечал:

«Гораздо позже, после периода увлеченности западным искусством, пришло время понять, что сутью усилий наших “западников” было продвижение на свою территорию глобального стандартного художественного языка современных европейских школ. Вот тогда-то мы и оценили по-настоящему мощь самобытной пластики Чуйкова и других реалистов. Для моего поколения понимание этого есть эволюция восприятия модернизма — от почитания до разочарования» (Боконбаев 2007, 97).

Что касается проблем взаимодействия художников современной Киргизии в последние десятилетия, то следует подчеркнуть, что системная диалогическая база художественной деятельности, сложившаяся прежде, была потеряна и мастера в значительной мере оказались

предоставленными самим себе. Распад единого культурного пространства и прежде всего диалогического взаимодействия многие художники постсоветского мира воспринимают как крупную утрату. Не случайно в течение двух последних десятилетий было много попыток найти новые формы интеграции государств и народов с сохранением их суверенитета, которые желают вместе участвовать в масштабном культурном созидании в изменившихся условиях существования. И это время не прошло даром.

На наших глазах совершился интеграционный прорыв. Создан и укрепляется Евразийский союз, формируется новая масштабная геополитическая целостность. В настоящее время Кыргызская Республика стала полноправным членом Евразийского союза и начала налаживать новые экономические связи. Однако прочный союз не может существовать без общих мировоззренческих идей и идеалов, без многих общих ценностей, накопленных народами за последний век в сферах науки, образования, социального устройства, безопасности, общей исторической памяти. Для всех высокой значимостью обладает прежде всего такая ценность, как дружба народов, порождающая совместное созидательное творчество во всех сферах культурного пространства Евразии.

Академик С. Ю. Глазьев, говоря о евразийской интеграции, отмечает создание общей идеологии, определяющей общие перспективы будущего:

«Пока бушует глобальный кризис и свежи в памяти чудовищные экономические и социальные последствия распада Советского Союза и мировой системы социализма, роль этой идеологии выполняет простая идея выживания и объединения экономических потенциалов

для повышения конкурентоспособности. В дальнейшем она должна развиваться, опираясь на общее духовное наследие народов и вбирая в себя современную парадигму устойчивого развития, цели повышения качества жизни граждан, принципы общей ответственности участвующих в процессе интеграции государств за будущее человечества» (Глазьев 2013).

Недавно Киргизия и Россия подписали крупный и стратегически важный документ о сотрудничестве в экономике, политике, военной сфере, а также в сфере науки, образования и искусства, что открывает большие перспективы для плодотворного взаимодействия. Существовало, что предложенная В. В. Путиным концепция европейских ценностей на евразийском пространстве через евразийскую интеграцию имеет фундаментальные основания. В условиях глобализации создание Евразийского союза предоставляет его членам уникальную возможность для сохранения национально-культурной самобытности и экономического подъема.

Сегодня важной задачей является интеграция в сфере научного знания, в том числе культурологии. Необходимым становится культурологическое осмысление самого феномена Евразии и составляющих его систему взаимосвязанных локусов в контексте современной науки. Ничем не заменимым институтом, интегрирующим евразийское пространство, может стать и искусство — универсальная площадка диалога культур (Запесоцкий 2018). В этом свете необходимо возвращение к проверенным форматам диалога художников между Россией и Киргизией и создание новых конкретных способов взаимодействия в пространстве изобразительного творчества.

Литература

- Боконбаев, Г. (2007) Неизвестный Чуйков. *Курак. Центральноазиатский альманах «Искусство и общество»*, № 2 (8), с. 97–103.
- Глазьев, С. Ю. (2013) Научный доклад: «О целях, проблемах и мерах государственной политики развития и интеграции». 21 января 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.ru/future/o-celyax-problemax-i-merax-gosudarstvennoj-politiki-razvitiya-i-integracii/> (дата обращения 01.07.2019).
- Гусейнов, А. А. (2015) «Свои» и «чужие» в глобализирующемся мире. В кн.: А. С. Запесоцкий (ред.). *Международные Лихачевские научные чтения. Глобализация и диалог культур. Избранные доклады (1995–2015)*. СПб.: СПбГУП, с. 66–71.
- Запесоцкий, А. С. (2018) Диалог культуры в сфере искусства. В кн.: А. С. Запесоцкий. *Становление глобальной культуры и конфликты цивилизаций*. СПб.: СПбГУП, с. 212–233.
- Мосолова, Л. М. (1975) *Скульптура и монументально-декоративное искусство Киргизии*. Фрунзе: Кыргызстан, 52 с.
- Полевой, В. М. (ред.) (1989) *Двадцатый век. Изобразительное искусство и архитектура стран и народов мира*. М.: Советский художник, 456 с.
- Уметалиева, Дж. Т. (ред.). (2010) *Творческие портреты мастеров профессионального искусства Кыргызстана*. Ч. 1. Бишкек: Турар, 752 с.

References

- Bokonbaev, G. (2007) Neizvestnyj Chujkov [Unknown Chujkov]. *Kurak. Tsentral'noaziatskij al'manakh "Iskusstvo i obshchestvo"* — *Kurak*, № 2 (8), pp. 97–103. (In Russian)
- Glaz'ev, S. Yu. (2013) *Nauchnyj doklad: "O tselyakh, problemakh i merakh gosudarstvennoj politiki razvitiya i integratsii"* [Scientific report: "On the goals, problems and measures of state policy of development and integration"]. 21 January 2013. [Online]. Available at: <http://spkurdyumov.ru/future/o-celyax-problemakh-i-merakh-gosudarstvennoj-politiki-razvitiya-i-integracii/> (accessed 01.07.2019). (In Russian)
- Gusejnov, A. A. (2015) "Svoi" i "chuzhie" v globaliziruyushchemsya mire ["Own" and "aliens" in a globalizing world]. In: A. S. Zapesotskij (ed.). *Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya. Globalizatsiya i dialog kul'tur. Izbrannye doklady (1995–2015)* [International Likhachev scientific readings. Globalization and dialogue of cultures. Selected papers (1995–2015)]. Saint Petersburg: St Petersburg University of Humanities and Social Sciences Publ., pp. 66–71. (In Russian)
- Mosolova, L. M. (1975) *Skul'ptura i monumental'no-dekorativnoe iskusstvo Kirgizii* [Sculpture and monumental-decorative art of Kyrgyzstan]. Frunze: Kyrgyzstan Publ., 52 p. (In Russian)
- Polevoj, V. M. (ed.) (1989) *Dvadtsatyj vek. Izobrazitel'noe iskusstvo i arkhitektura stran i narodov mira* [Twentieth century. Fine art and architecture of countries and peoples of the world]. Moscow: Sovetskij Khudozhnik Publ., 456 p. (In Russian)
- Umetalieva, Dzh. T. (ed.) (2010) *Tvorcheskie portrety masterov professional'nogo iskusstva Kyrgyzstana* [Creative portraits of masters of professional art of Kyrgyzstan]. Pt. 1. Bishkek: Turar Publ., 752 p. (In Russian)
- Zapesotskij, A. S. (2018) Dialog kul'tury v sfere iskusstva [The dialogue of culture in the field of art]. In: A. S. Zapesotskij. *Stanovlenie global'noj kul'tury i konflikty tsivilizatsij* [The formation of a global culture and the conflict of civilizations]. Saint Petersburg: St Petersburg University of Humanities and Social Sciences Publ., pp. 212–233. (In Russian)

Сведения об авторе

Любовь Михайловна Мосолова, e-mail: mosolova@mail.ru

Доктор искусствоведения, профессор кафедры теории и истории культуры, почетный профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, заслуженный работник высшей школы РФ

Author

Lyubov M. Mosolova, e-mail: mosolova@mail.ru

Doctor of Arts, Full Professor, the Department of Theory and History of Culture, Honorary Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation